

Чжао Елань на мгновение замер, его брови слегка нахмурились:

— Янь Минтин так скоро вернулся в Пекин?

Пограничная война бушевала несколько лет, соседние страны не прекращали вторжений. Род Янь Минтина, два поколения генералов, круглый год находился на границе. Их военные успехи сделали их опорой династии Сюань. В прошлом месяце Пекин получил радостную весть: Монголия, самый непокорный северный сосед, наконец сдалась, готовая уступить земли и платить дань за мир.

Наконец на границе воцарился покой. Лицо императора сияло от радости, он немедленно приказал армии вернуться ко двору.

По расчётам, до возвращения в Пекин оставалось ещё несколько дней.

— Прибыл не генерал, а старый управляющий его особняка, весьма любезный человек. Он пришёл обсудить детали вашего брака. Если вас нет дома, я велю ему вернуться позже, — ответил Сяо Гао.

— Нет... — Чжао Елань растерялся и после долгого раздумья спросил: — Люди в особняке генерала так легко согласились? Разве Янь Минтин может быть столь покладистым?

Сяо Гао вздохнул:

— Разве он может противиться? Это императорский указ, господин. Не только генерал Янь, но и вы должны подчиниться искренне...

Чжао Елань бросил на него взгляд, и Сяо Гао тут же прикрыл рот рукой.

Когда Чжао Елань прибыл во дворец, уже смеркалось. Закатное солнце окрашивало красные стены дворца, медленно опускаясь к земле.

Чжао Елань беспрепятственно вошёл в боковой зал. Человек в драконьем халате всё ещё просматривал официальные доклады. У него было правильное лицо, острый взгляд и величественные манеры. Чжао Елань почтительно сложил руки:

— Министр Чжао Елань приветствует Ваше Величество.

— Без посторонних нет нужды в церемониях, — сказал Чжао Сюань, не поднимая головы. — Подойди, чернила закончились.

Чжао Елань медленно приблизился, взял тушечницу и умело растёр тушь.

Некоторое время никто не говорил, в воздухе витал лишь слабый аромат туши. Спустя долгое время Чжао Сюань нарушил молчание:

— Ты сердишься из-за брака?

— Этот ничтожный министр не смеет.

Чжао Сюань бросил на него косой взгляд, но тот опустил голову, сосредоточившись на растирании туши, не выказывая никаких эмоций.

Они знали друг друга много лет, как мог Чжао Сюань не чувствовать его обиду? Его тон смягчился:

— Я не ожидал, что гадатели составят такую триграмму.

Предсказание гласило, что необычные небесные явления — это изменения в восьми триграммах. Инь и ян вышли из равновесия, и чтобы восстановить порядок, человек, рождённый в год инь, в день инь, в час инь, должен соединиться с тем, кто рождён в год ян, в лунный день ян, в час ян. Только так можно исправить восемь триграмм.

Как только это пророчество появилось, все придворные подумали о Янь Минтине. Хотя он редко появлялся при дворе, его слава мужественного человека была известна. Он пережил родителей и младшего брата. До этого у него было два брака, но невесты одна за другой умирали ещё до свадьбы. Даже собака в его доме умерла странной смертью. Это внушало ужас.

Хотя генерал Янь был победоносным полководцем, любимым народом, это не значило, что люди готовы были выдать за него своих дочерей. Кто знал, не получат ли они тело дочери раньше, чем она успеет насладиться положением жены генерала?

К тому же генерал Янь был уродлив, груб и властен. Ни одна женщина в Пекине не желала бы такой участи.

В итоге Чжао Сюань понял, что Чжао Елань был человеком, рождённым в год инь и в день инь.

— Генерал Янь согласился на этот брак, — сказал Чжао Сюань.

Чжао Елань усмехнулся:

— Указ императора трудно нарушить. Даже если Янь Минтин не согласен, посмеет ли он,

опираясь на заслуги предков, послушаться императорского повеления?

Чжао Сюань перестал писать и закрыл доклад:

— Похоже, ты не согласен?

— Этот министр не смеет.

— Почему не смеешь? Ты вольно распорядился в тюрьме, позволив Юй Цзюньляну совершить самоубийство. Я хотел допросить его подробнее, но ты, молодец, дал ему умереть и передал лишь подписанные им обвинения, — Чжао Сюань пристально посмотрел на него. — Как ты посмел?

Чжао Елань склонил голову и ответил:

— У этого министра нет иного выбора, кроме как искупить вину смертью. Прошу Ваше Величество.

— Что за шутки, ты и впрямь просишь смерти? Другие могут не знать, но как мне не знать? Чжао Елань, ты жаждешь жить больше, чем кто-либо. Никто не дорожит жизнью сильнее тебя, — Чжао Сюань усмехнулся, сделал два шага и отчеканил: — Ты полагаешься на то, что я уже даровал тебе брак, и весь мир знает об этом. Невозможно теперь казнить тебя, поэтому ты осмеливаешься действовать так дерзко!

Разоблачённый, Чжао Елань стал ещё спокойнее и слегка улыбнулся:

— Тогда благодарю императора за его милость.

Выражение лица Чжао Сюаня стало сложным, и после долгого молчания он вздохнул, словно устал:

— Ах, порой быть слишком умным — не благо.

Конечно, Чжао Елань понимал — иначе его не выдали бы за человека, преследуемого проклятием. Как бы император ни доверял ему, он тоже опасался. С одной стороны, он использовал его для искоренения инакомыслия, с другой — должен был ограничивать его влияние.

Теперь, когда трон укрепился, в нём больше не было нужды, но он всё равно должен был нести это бремя.

Как мог Чжао Елань не понимать, что по сравнению со смертью женитьба — благословение в несчастье?

Чжао Сюань сказал:

— В конце концов, Юй Цзюньляна всё равно казнили бы, зачем тебе это понадобилось?

— Я хотел увидеть его смерть своими глазами и не мог ждать ни дня, чтобы промедление не вызвало осложнений, — ответил Чжао Елань.

Чжао Сюань знал его тайну, но всё равно сердито встряхнул рукавами:

— Ты становишься всё более своевольным и неуправляемым.

Чжао Елань достал из кармана парчовый платок, протянул его и тихо сказал:

— Это соткано вышивальщицами из Су. Приняв этот дар, Ваше Величество, не гневайтесь больше. Если вы повредите своё здоровье, этот министр будет глубоко опечален.

Чжао Сюань посмотрел на платок.

— В будущем, Ваше Величество, пожалуйста, берегите своё драконье тело, чтобы потомки были бесчисленны, а удача простиралась на тысячи ли, — Чжао Елань опустил на колени и громко произнёс: — Да здравствует император, да здравствует, да здравствует!

Чжао Сюань был ошеломлён. Его брови нахмурились ещё сильнее, когда он увидел, как Чжао Елань поднял голову. Его лицо напоминало нефритовый венец, и в этот момент казалось, что маленькая чёрная родинка может говорить, рассказывая о непримиримых чувствах и желаниях своего хозяина, которые он не мог выразить словами.

Чжао Сюань протянул руку, но, когда уже собирался коснуться щеки, резко отдернул её и тихо вздохнул:

— Почему ты должен был родиться мужчиной?

Чжао Елань молчал, опустив глаза, подавляя все эмоции.

Настало время ужина, и люди из дворца императрицы пришли пригласить императора на трапезу.

Чжао Сюань невольно взглянул на Чжао Еланя. Склонив голову, тот удалился.

Перед уходом Чжао Сюань услышал его кашель и велел придворному лекарю доставить драгоценные снадобья, а также дал ему недавно приобретённую ночную жемчужину из сокровищницы.

Вернувшись в особняк Чжао, Сяо Гао тут же поспешил к нему, ожидая, пока Чжао Елань умоется и поест. На столе было больше блюд, чем обычно. Сяо Гао боялся, что у господина будет плохое настроение, поэтому попросил кухню приготовить дополнительные яства. После еды он предложил:

— Господин, не хотите ли прогуляться, чтобы развеяться? Говорят, новый сказитель в павильоне Хуэйчунь превосходно рассказывает истории.

Чжао Елань сказал:

— Думаю, это ты хочешь послушать.

Сяо Гао смущённо потёр руки.

— Это правда, я давно там не был. Господин, вам не скучно?

Чжао Елань посмотрел на луну. Подумав, что не знает, сколько счастливых дней ему осталось, он согласился.

<http://bllate.org/book/14545/1288544>